

Кубанский писатель

Чтобы красоту создать, надо самому быть чистым душой.

М.И.Глинка

№ 8 (51)

август
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

• Семинарские занятия и мастер-классы прошли в литературном объединении города Анапы «Парус». По приглашению анапчан руководителями семинара стали секретарь правления Союза писателей России по связям с регионами, прозаик, поэт, публицист Василий Дворцов (Москва), руководитель краевой писательской организации прозаик Светлана Макарова и член правления КРО СП России поэт Любовь Мирошникова (Краснодар).

Анапские литераторы представили на суд гостей стихи и рассказы, достойные профессионального разбора и обсуждения. Что и было отмечено. «Наша встреча проходит в рамках подготовки краевого семинара начинающих литераторов, его проведение намечено на конец этого года, — сказала в своём выступлении С. Н. Макарова, — и мы уверенно и с большой радостью можем заявить, что Анапа богата талантами. И обязательно анапчане должны быть представлены в Краснодаре».

В числе лучших, а значит кандидатами для участия в краевом семинаре названы Мария Казаковцева, Ольга Хомич и Наталья Петкова.

От имени Союза писателей России гости выразили благодарность главе города Анапы Т. И. Евсиковой, начальнику управления культуры О. О. Казаковой, директору МУК ЦК «Родина» Н. В. Березенко, директору МУК «Анапской ЦБС» Г. М. Павловой. Отметили подвижническую работу руководителя литературного объединения «Парус» поэта Надежды Казаниной.

• В Тихорецке в литературном объединении «Родник» прошла встреча донских и кубанских литераторов. В ней приняли участие и. о. председателя Ростовского отделения Союза писателей России Алексей Береговой, поэты из Ростова-на-Дону Ирина Сазонова, Клавдия Павленко, критик Людмила Маликова, поэт Виктор Чеботников из Новочеркасска, прозаик Людмила и поэт Владимир Хлыстовы из Таганрога, поэты

Алексей Глазнов и Ольга Губарева из Сальска. Краснодар представляли председатель краевого отделения прозаик Светлана Макарова, прозаики Людмила Бирюк, Геннадий Пошагаев, поэт из Гулькевичей

Инна Хрущ, тихорецане — писатели-члены СП России Геннадий Ужегов и Борис Стариков, члены литературных объединений «Родник» и «Ладомир», главный редактор журнала «Мозаика Юга» Валентина Богза. А также секретарь правления Союза писателей России прозаик и публицист Василий Дворцов, Москва.

Впервые членами соседних региональных отделений Союза писателей России в личном общении обсуждались проблемы, остро вставшие в связи с приостановкой местными администрациями финансирования общественно значимых мероприятий, проводимых творческими организациями. Шел разговор об издательских проектах, координировалась издательская политика в рамках газет «Кубанский писатель» и «Донской писатель», журналов «Дон и Кубань», «Мозаика Юга». Писатели знакомились с творчеством друг друга, обменивались книгами. На круглом столе обсуждался доклад Василия Дворцова о задачах современной русской литературы. Собравшиеся высказали благодарность организатору встречи Борису Старикову и пожелания об укреплении прямых творческих связей между писателями Юга России.

СЛОВО РЕДАКТОРА

...ЖИЗНЬ НАША НЕЛЕГКА, НО...

От слов и ум к высотам устремляется и возвышает человека.

Аристофан, пятьсот лет до нашей эры

И снова самым главным вопросом для нашей краевой писательской организации стал вопрос финансирования. В разных сферах и на разных уровнях заговорили о состоятельности творческих союзов, вновь обсуждают, есть ли смысл в их существовании. А поводом для этих разговоров, как и для прекращения нашего финансирования, явилась очередная поправка к закону о местном бюджете, принятая в конце прошлого года на федеральном законодательном уровне, запрещающая субсидировать общественные организации средствами из бюджета. Я бы эту самую поправку назвала очередной запланированной удавкой на шее нашей отечественной культуры.

Не буду утомлять вас, дорогой читатель, перечислением аргументов в пользу творческих союзов. О необходимости существования профессиональных объединений деятелей искусства сказано и написано уже много, в том числе и на страницах нашей газеты. Увы, власть имущие думают по-другому. Или вовсе не думают о том, как выживают писатели, художники, композиторы, которым, по логике чиновников, оплата их труда вовсе не нужна. Работают они в общественных организациях — значит, и пусть на общественных началах консультируют начинающих, профессионально рецензируют и редактируют рукописи, выступают в библиотеках, принимают участие в государственных празднованиях, а также организуют презентации новых книг, творческие и юбилейные вечера и т. д. А главное — создают тексты, поэтические и прозаические, воспевающие родной край и земляков-кубанцев. И книги пусть издают за свой счёт. Даже работа бухгалтера в творческом союзе — только на энтузиазме... И это во время тотального рыночного господства, когда практически ко всему прикреплен ценник... Ко всему, кроме вдохновения. Более десяти лет Госдума не принимает закон о творческих союзах, и очень может быть, что, когда примет, доживут до него только самые истовые и выносливые, а скорее всего, лишь богатые дилетанты!

В разных регионах власть поддерживает своих творцов где как может, но вот на Кубани ни в один творческий союз в нынешнем году средства не поступили. Правда, как заверяют нас в краевом департаменте культуры, к концу года некоторые наши мероприятия всё же будут профинансированы. Ох, как же хочется поверить.

На днях, долгой дорогой в родную станицу (продукты там подешевле), я никак не могла отделаться от уже неотступных мыслей — кому же, на самом деле, нужна сегодня профессиональная культура? Интеллигенции? Да! Государству? Похоже, нет. Народу?.. Но какому? Тем, кто был воспитан в советские времена — несомненно, а вот молодым, нужны ли им высокохудожественные, нравственные и граждански заряженные произведения? Заставляющие думать и сопереживать Родине, тру-

диться душой, сердцем... И возможно ли без этого труда стать полноценной личностью? Гражданином?

Глядя на зреющие тучные нивы, на золото подсолнухов, на «гвардейские полки» кукурузы, по воле водителя слушала концерт современных исполнителей. Лето — пора отпусков, настроение в эту пору должно преобладать радостно-бодрое, на закате солнца плавно переходящее в пасторально-лирическое... Об этом и пели звёзды шоу-бизнеса в FM-диапазоне. И ещё о своём неослабевающем стремлении в райские страны! Самая первая из которых — АМЕРИКА! «Американ бой, уеду с тобой!» — кричали беспечными голосами в мажорной тональности. А потом уже в миноре: «Она хотела бы жить на Манхэттэне»... А в другой песне Она всё-таки уехала в Америку, а Он только и думает всё про неё, про Америку! А в третьей песне они оба скоро туда уедут! Потом пошла Франция. С придыханием певица заканчивала припев вождённым «Прованс...» И это звучало так, что на душе становилось сладко и грустно одновременно. Ах, где ты, Прованс? Только там возможно счастье!..

Мелькали за окном станицы в разноцветностях домов и подворий, с густо засаженными садами-огородами, с копошащимися в пыли курами, с чинно шагающими семьями гусей. Но об этом в FM-диапазоне не поют.

Зато поют стихи по всей России:

У нас тут липы пахнут мёдом,
И лужа в небо влюблена,
И за соседским огородом
Растёт на яблоне луна.

Ты приезжай. Забот не стоят
Увивы кухонь городских,
У нас в бору кукушка стонет
О кукушоночках своих.

А жизнь такая, жизнь саякая,
Она медова и страшна,
Ежесекундно утекая,
Прекрасна всё-таки она.

И только здесь, где поля — вволю,
Душа, страдая, познаёт
И липы голос колокольный,
И взгляд старухи у ворот.

Книгу уроженца Рязанщины Евге-

ния Юшина «Избяная заповедь», из которой взято это стихотворение, мне подарили в Москве, в Союзе писателей. Как и томик стихов красноярского поэта Александра Щербакова:

Здравствуй, отчая деревня,
Сколько лет и сколько зим...
Всё на этом свете бренно,
Окромя родных осин.

Петербургец Борис Орлов тоже подарил мне в Москве, в Союзе писателей, свою новую книгу «Лучшая погода — непогода»:

Раскалённый закат птичье небо
поджёт.
И дорога до звёзд далека.
Чёрный вечер трубит
в серебристый рожок,
Собирая в стада облака.

Мир тревожен и глух.
На душе непокой,
Но куда-нибудь нужно идти.
Церковь с белым крестом впереди
за рекой,
Отчий дом за ручьём позади.

Сборник стихов «Прощание с парусами...» кубанца Евгения Тищенко вдова поэта Людмила принесла к нам в Союз в Краснодаре:

Я в траву упаду, чабрецовой
подушки коснусь.
Будет гладить ладонь
теплокровную кожу черешни...
В каждом вздохе и звуке
мне искренне слышится «Русь»,
Вновь открытая сердцу во взоре,
движеньи и жесте.

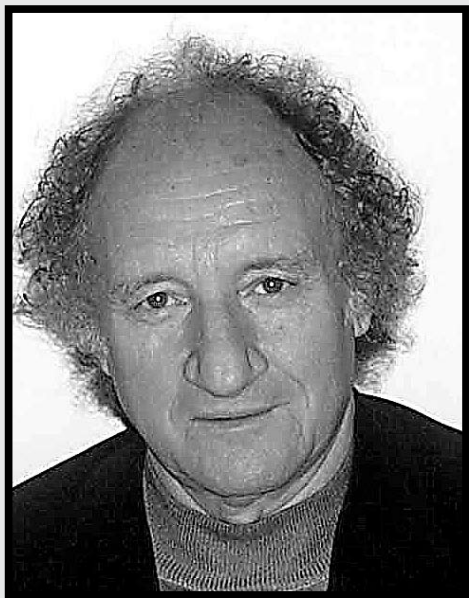
А ещё недавно мы поздравляли в Краснодаре с юбилеем Нелли Василинину, которой принадлежат строки:

В песне чибиса вечный вопрос
Всё настойчивей:
«Чи вы?»
Даль обнимет до радостных слёз,
И я стану счастливой.

И скажу я вполголоса вдруг,
Как о главном и важном,
И лесам, и полям, что вокруг.
— Я ведь ваша...
Я — ваша.

Светлана МАКАРОВА
(Продолжение на стр. 2)

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Кубанская культура понесла большую утрату. На 72-м году после тяжёлой продолжительной болезни 13 августа 2011 года ушёл из жизни Крикор Саакович Мазлумян, заслуженный деятель культуры России, поэт, член Союза писателей России, Союза писателей Армении, автор многих поэтических сборников, изданных на Кубани, в Москве и Армении.

Крикор Саакович родился в хуторе Островская Щель Туапсинского района. Он выпускник историко-филологического факультета Армавирского пединститута, высших режиссёрских курсов Министерства культуры РСФСР. Работал в Дагестане учителем немецкого языка, затем директором школы на станции Навагинской.

С 1971 года он возглавлял управление

культуры Лазаревского района города Сочи. Своим главным делом жизни Крикор Саакович считал созданный им Лазаревский центр национальных культур, куда входят ныне русский, адыгейский, армянский, казачий, украинский, греческий и белорусский центры. Хоровые и танцевальные коллективы учреждения известны не только в России, но и за рубежом. И в этом огромная заслуга Крикора Мазлумяна. Он был на трудовом посту до последних дней.

В поэтическом творчестве Крикор Мазлумян воспевал свою Родину. В «Песне об Амшене» он обожествляет землю своих предков. Многие свои стихи он посвящал России, и предстаёт в своём творчестве, как русский гражданин и патриот. И, конечно

же, поэт благодарит Армению, в его страстном голосе соединялись радость, свет и боль утрат, так характерная для армянских поэтов. Поэтому К. С. Мазлумяна критики определяли и «горячим», и «мужественным» поэтом. В его поэтическом наследии стихи о любви, о поэзии, философские стихи.

Кубанские писатели выражают глубокие соболезнования семье и близким покойного. Мы скорбим в связи с кончиной собрата по перу, талантливого, доброго и очень светлого человека. Память о нём навсегда останется в наших сердцах.

Правление Краснодарского
регионального отделения
Союза писателей России

КРИТИКА

ТАКАЯ ОСОБАЯ ТЕМА

Однако личное знакомство с автором книги и чтение первого варианта «Мытари и всадники» в виде киносценария не позволили мне поверить предисловной стилизации под оскомную рекламу увлекательно-развлекательного чтива «а ля Дюма и Акунин». Серьёзный, вдумчивый человек, посвятивший свою жизнь служению Родине, любящий и умеющий работать с фактами как с современными, так и с историческими, ясно понимающий значение художественного слова, осознающий роль литературы в процессе национального самосознания, не позволил бы себе истратить несколько лет на наивейшее «золотых снов». Более того, столь старательное уговаривание в несерьёзности предстоящего чтения о «мистически прекрасной Причерноморской Черкесии», только подогревало мой интерес к выпущенной в этом году Краснодарским издательством «Традиция» книге, настраивая на самом сосредоточенном прохождении текста. О явной жанровой мистификации предупреждали и томно романтические иллюстрации. Что ж, я принял предложение автора на игру в поиск результатов его самых серьёзных исследований за несерьёзностью их изложения и оформления — и не проиграл.

Игра выдерживалась идеально: от суперавантюристической намеренности композиции романа, через знакомость до уже некоторого клише типажей героев и героинь, до тончайших языковых реминисценций описываемой эпохи. Великолепная стилизация под лучших мастеров жанра — от Скотта и Сабатини до Марлинского и Пикуля, усугубляла сложность удержания внимания от отвлечения на приключенческие виньетки и, одновременно, на щедрые россыпи этнографических подробностей. Экзотика и глобализм прессовались на страницах до пределов возможного, густо свистели пули и искрили клинки пластунов и пиратов, потоками на священные рощи изливались лунные чары, умопомрачительно танцевали адыгские красавицы, феерично тасовались шапсугские колдуны и персидские евнухи — так что, не проходи через всё повествование охлаждающий читательский пыл герой Зряховцов — «честный до самоубийства» офицер-патриот, при этом страдающий графоманией в виде десятилетнего писания «романа в четырёх томах о любовных страданиях прекрасной Амалии в одинокой сакле, недалеко замечательного и таинственного замка царицы Тамары», то

наше смутно-грозовое время и в нашей эгоистично-прагматичной жизни располагает столько литераторов по всей великой России к творению в сентиментальном жанре «любви и чести». Что-то? Обычная боязнь реальности. Этой самой — грозовой и прагматичной.

многое из этого пышного словесного облачения могло бы укрыть от нас главное, ради чего создавались «Мытари и всадники».

Все мы понимаем: создаёт ли кто исторический роман о давнем прошлом или фантастическую повесть о нескором будущем, всё равно он пишет о своём времени. Писатель всегда свидетельствует мирозерцание своего поколения, рефлексирова на боли и радости своего народа, осмысляет проблемы и разрешает загадки, именно в его понимании встающие перед его страной здесь и сейчас. «Прошлое» царя Додона и «будущее» Соляриса есть лишь форма изложения, точнее, они лишь стеньга инсказания, зачастую диктуемая цензурной необходимостью всё того же его времени. Цензура здесь может быть и политической, исходящей от власти, и моральной — от общества, и личностно нравственной. Есть цензура финансовая, есть ситуационная. Умалчивают и недоговаривают по обеща-

«Автор историко-приключенческого романа о любви и чести не претендует на точное и исчерпывающее изложение истории. Потому совпадение персонажей с их возможными историческими прототипами во многом случайно...» — прочитав такое в предисловии и поверив прочитанному, я бы книгу Владимира Кирпильцова «Мытари и всадники» далее и не листал. Ибо по долгу службы мне в последнее время доводится держать в руках множество «романов о любви и чести» — книг толстых и тонких, дорого и бедно изданных, писанных столичными и провинциальными дамами и их разновозрастными кавалерами. Превеликое множество. Будучи по своей природе человеком желчным, даже боюсь пуститься в рассуждения: что же такое в

нию, из любви, ненависти, в надежде.

Думаю, именно этой вот цензурной необходимости — времени и места жизни автора — объясняется избранная Владимиром Кирпильцовым форма «историко-приключенческого романа о любви и чести», где как раз «случайность совпадений персонажей с их возможными историческими прототипами» позволяет поднимать и обсуждать самые болезненные, самые острые и опасные вопросы современности. Острые вопросы и особые темы.

Русский Кавказ — такая особая тема в нашей литературе, тема неизбывная, неиссякаемая и не отпускающая, в ней отмечены великие гении и тихие ремесленники, об этом неугасающем мистическом и геополитическом факеле религиозно-цивилизационных страстей писали, пишут и будут писать поэты и философы, этнографы и прозаики, проклятая и восхищаясь, исследуя и пророчествуя. Увы, даже лучшие умы часто мечтали здесь

объять необъятное, упрощая и примитивизируя картину, и лишь единицы из них представляли сложнейший многоугольник соприкосновений культур как взаимовыгодную дисперсию, в основном же схождение сил виделось непреодолимым конфликтом, разрешаемым либо поглощением народов слабых сильнейшими, либо возведением меж всеми и навсегда непреодолимой «китайской стены». Ведь периодические радужные заверения о самоорганизации некоей естественной толерантности у очень издавна пришедших на эту землю и очень разнящихся меж собой народов жизнь не подтверждала. И то и дело возвращающаяся в горскую «экономику» древние работорговля и разбой тому горькое подтверждение. Рецепты давались разные, но...

Но Кирпильцов невозможных задач вроде как перед собой и не ставил. Он «просто» разобрал локальную ситуацию в имперской политике Государя Николая I, проводимой на Кавказе в промежутке меж двумя Русско-турецкими войнами, политике, слишком зависимой не от оперативных приказов присланных генералов и решений местных князей. Под авантюрным покровом «романа о любви и чести» ему удалось вынести на широкую аудиторию достаточно доказательные объяснения происходившего тогда в русских крепостях и черкесских аулах. И вдруг феномен движения Шамиля получил ясную предысторию с логичной истоков не с ледников Казбека и Эльбруса, а с Баскервильских болот.

Так же несомненная заслуга автора: за всеми перипетиями засад, атак, походов, штурмов, разведок и абордажей — непрерывность проведения им чёткой линии нравственного отделения бескорыстно страдающих на войне воинов от шакалящих при них мародёров, по определению Кирпильцова — «всадников» и «мытарей», какой бы стороны те не держались и какое звание бы не носили. А ещё автор выписал галерею персонажей, которых так хочется видеть в своём окружении: романтические, влюблённые, честь имеющие офицеры, храбрые моряки, верные присяге солдаты и исполняющие до смерти товарищество казаки, мудрые горские старейшины и заботящиеся о своём народе князья — именно такие типы, такие герои нужны нашему времени.

Василий ДВОРЦОВ,
Москва

СЛОВО РЕДАКТОРА

...ЖИЗНЬ НАША НЕЛЕГКА, НО...

(Окончание. Начало на стр. 1)

И в первом же стихотворении Кронида Обойщикова из сборника «Офицерская молодость», которую он на днях вручил мне в краевом СП, читаю: «...Есть Родина, впитавшая в кровь».

А вот слова из новой книги кубанского прозаика, члена Союза писателей России Айтеча Хагурова «Жизнь коротка, как журавлиный крик»: «...жизнь наша нелегка, но нам даны Религия, Искусство, Любовь и Близкие люди. Они помогают нам определиться в борьбе Добра и зла».

Я думаю, многие писатели назовут собратьев по творческим союзам, в которых состоят сами, людьми близкими, без которых, если и возможно «определились в борьбе Добра

и зла», то невозможно победить. И в том, что сердцевина современного искусства живёт именно в профессиональных творческих союзах, никто из пишущих людей тоже не сомневается. Однако с сожалением приходится констатировать: творческие Союзы ныне очень похожи на осаждённые крепости посреди дикости и хамства. Посреди ФМ-разгула они — последние оплоты понимания красоты и правды для будущих поколений. Может, оттого и подвергаются столь долгому и жестокому ostrакизму? Тиражи книг ныне так малы, что читателями порой являются сами писатели. И потому новые книги о России и Человеке сегодня можно увидеть только в Союзах.

А полвека назад, в 1958 году, издательство «Советская Кубань» отчитывалось перед земляками: «Спрос на книги

растёт с каждым днём. Растёт и выпуск их. Если пять-шесть лет назад тираж книг, выпускаемых краевым издательством, не превышал пятисот тысяч экземпляров, то в 1957 году он составил более полутора миллионов, в текущем году превысит два миллиона экземпляров. При этом произведения местных авторов занимают сейчас более 90 процентов всего объёма литературы, выпускаемой издательством. ...Издательство не забывает и самых маленьких читателей. В нынешнем году намечено издать более 25 детских книг, тираж которых превысит миллион экземпляров».

Неужели это было в нашей стране? Да! Изданные книги читали дедушки-бабушки и родители сегодняшних ФМ-подростков, которые в лучшем случае сидят на «останкинской игле». А в худшем...

Светлана МАКАРОВА,
председатель правления Краснодарского
регионального отделения Союза писателей России,
главный редактор газеты «Кубанский писатель»

ЮБИЛЕЙ

«Музыкальный» ГОСТЬ

Разгар лета.

Воздух напоён запахами цветов и разнотравья. Всё благоухает. На лугу за станицей я хотел накопить кроликам травы, но стою и слушаю удивительную музыку маленьких созданий — певцов: кузнечиков и сверчков. Они заводят свои песни то соло, то хором, то дуэтами. Потом — полсекунды молчания, но как раз в эти мгновения кто-то из них, видимо, не закончив пение, продолжает солировать.

И вот наступает вечер. Я уже дома. Двор у нас большой, здесь фруктовые деревья, ягодные кусты и неввысокая, но сочная трава. Слышу: подал голос сверчок, ему откликнулся другой, третий, и вот уже общее многоголосие. И чем крепче ночь обнимает станицу, тем раздольнее и залиvistее звучат голоса.

Великолепная музыка живой природы!..

В летние дни мы начали сооружать кирпичный пристрой к дому. Делали с сыном споро. Приходилось задерживаться до поздней, чтобы выработать раствор, не оставлять его на ночь. С наступлением темноты, когда усталость брала своё, начиналась симфония невидимых в траве насекомых, которая бодряще действовала на нас. Мы даже останавливали работу на какое-то время, чтобы послушать.

А через время произошёл случай, который заставил нас вернуться к этим минутам приятных музыкальных летних вечеров.

Заканчивали мы строительство уже поздней осенью. Навалили глину на потолок. Провели водяное отопление и установили котёл в маленькой пристройке, дверь из которой сразу же выходит на улицу; чтобы коротким путём носить уголь. Из котельной — дверь в ванную, туалет. Из ванной — в кухню и затем в жилые помещения. Всё взаимосвязано. Закончить отделку ванной и котельной так и не успели. Медленно, но неотвратимо наступили холода. Падают и падает снег. Чтобы поддерживать в доме тепло, приходится хорошо кочеварить. Когда разжигаешь хорошим углём, то и в котельной, и в доме тепло. В котельной даже жарко, несмотря на то, что немало холода поступает именно сюда с улицы, а стены выложены всего лишь в полкирпича.

И вот однажды встаю я ночью, чтобы подбросить уголь в котёл. В доме тихо-тихо. Слышу монотонный звук. Этот звук, чуть прерывающийся, издавала уже меня насторожил. Я остановился, прислушался.

— Тик...-тик...-тик!.. Ти-и-и...-тик! Тик-тик-тик!

«Кто это?» — подумал я.

Мне и в голову не пришло, кто же это мог быть. В котельной чётко и в равные промежутки времени раздавалось треньканье. Я специально открыл все двери, и в полнотной хрустальной тишине песенка какого-то существа зазвенела на весь дом. Я сел на порожек и стал вслушиваться в пьянящие звуки, исходящие откуда-то от стены. Эта музыка пронизала всё мое существо. Я так заслушался, что стал дремать. Подбросив угля, пошёл спать, но слышал, как просыпались и ходили мои домочадцы, подолгу задерживаясь около двери в котельную. Утром, сойдясь в столовой, все только и говорили о ночном певце. Моя жена — биолог, сын тоже биолог, они сразу определили, что в котельной каким-то чудом оказался сверчок, его голос звенел среди ночи, хотя на улице рвал ветер и бросал хлопья снега в стекла.

Я же не имел ни малейшего представления об этом насекомом.

— Сверчки,— сказала жена,— бывают и больше и меньше кузнечика. Но окраска немного темнее: сероватая или чёрная. Любимое место обитания — луг или поле. Днём

он обычно прячется от жары где-нибудь под листиком, в коре. Вечер — время резвости. И только самцы заводят вот такую мелодию. На Земле их более 2500 разновидностей, на Кубани обитают около 50 видов. Зимой они впадают в спячку. Видимо, летом, когда дверь ещё не была навешена, сверчок залетел или спикировал прямо из травы в котельную. Приглянулось ему новое место жительства, да так и остался на зимовку. Когда похолодало, забился в щёлку и впал в сон.

Редакция газеты «Кубанский писатель» сердечно поздравляет Геннадия Алексеевича Леликова, члена литературного актива при Краснодарском отделении Союза писателей России, автора книг стихов и прозы, лауреата литературных конкурсов, с 70-летием! Всего Вам самого доброго и многие лета!

Геннадий Леликов

Геннадии Алексеевич Леликов родился в 1941 году в райцентре Кабанск Бурят-Монгольской АССР.

Служил на Тихоокеанском флоте. С 1973 года проживает на родине супруги — на Кубани, в станице Архангельской Тихорецкого района.

Первое литературное произведение. — стихи. — опубликовал в 14 лет в районной газете.

Окончил отделение журналистики Краснодарского университета

марксизма-ленинизма.

Автор официального гимна Прибайкалья, нескольких сборников стихов, рассказов, пяти дисков песен. Написал ряд исторических книг, повесть о семье Самарских «Станица Архангельская. Годы и люди» (к 215-летию станицы). «Селендума (Селенгинская степная дума). Страницы истории. 1808-2008», «Вокруг жизни Ивана Молодцова» (к 100-летию юбилею литературного объединения «Родник»).

Член литературного объединения Севера Кубани «Родник» и межрегионального объединения «Мозаика Юга».

Но вот от котла и уходящей к потолку трубы повеяло живительной теплотой. Встрепенулся, огляделся. Подумал, что наступило лето, и... заголосил на все лады.

Уж как он старался в первое своё «пришествие»! На другую ночь нового нашего жильца обнаружил внук Жорик. Вставая ночью, он обычно будил бабушку.

— Бабушка, кто это? — произнёс он, зашвырнув необычные звуки.

— Это, Жорик, сверчок, такое насекомое с крылышками, — и бабушка доходчиво и просто объяснила внуку, почему его раньше не было слышно и отчего он теперь поёт. Внучка всё так заинтересовало, что сон как рукой сняло. Мне пришлось сменить бабушку «на посту» и побыть с ребёнком, пока тот вдосталь не насладился звуками, идущими от кирпичной стены.

Около месяца мы слушали его. Каждый, приходя вечером с работы, первым долгом входил на кухню, заглядывал в ванную и проносил: «Ну что, поёшь? Пой-пой!» А надо бы сказать: «Здравствуй! Как самочувствие? Певческое?» Мы уже свыклись со сверчком. Он стал шестым членом нашей семьи.

Сыну чаще приходилось бывать дома, он постоянно занимался в котельной и, сидя как-то за ужином, сказал: «А я сегодня видел сверчка. Он перебирался из котельной в ванную. Увидел, где живёт».

Весь дом наш сложен из кирпича и самана. Так вот новый наш жилец нашёл изъём в кирпиче, проник в саман и там устроил себе жилище.

Теперь он у нас стал кочевником. Правда, в самом доме его пока не видели. «Музыкальный» гость начал всё более осваиваться, а мы стали не только его постоянными слушателями, но и энтомологами. Каждый из нас заинтересовался этим насекомым. Мы узнали, что в родственниках у сверчка

а вторая — здесь,— он сделал многозначительную паузу. — А тут много колен, чтобы нагревалась вся стена. Теперь подошли к главному. Попробуем в деле.

Он отодвинул кружки у плиты, сунул в печь несколько листов скомканной бумаги и зажгёт их. Бумага не горела, а еле тлела. Дым упорно лез куда угодно, во все возможные лазейки, но только не в проложенные для него колена. Таисия нервничала.

— Да что же это такое?!

— Не волнуйся! — успокаивал её Фёдор.— Надо, чтобы печь шибко просохла. Да ить лето, нет тяги.

Таисию перестал бить озноб. Слова Фёдора возымели силу. Она разложила на столе закуску, налила мастеру рюмку самогона, сама выпила. Печник за трапезой разомлел и пустился поливать хозяйку словословиями, что-де он уже многим печки клал и никто никогда не назвал его бракоделом.

Прошло дней десять. Стояло жаркое лето. Печь просохла не только снаружи, но и внутри. Таисия решила сжечь мусор, который успела набросать в топку. Дым опять-таки упрямо полз в дом. Она наскоро залила тлеющее содержимое.

«Нет тяги», — вспоминала она слова Фёдора.

...Проскочило лето. Задержалась осень. И подкралась зима. Градуса четыре было на дворе. Утренний холодок почувствовала вся семья. Таисия встала часов в пять.

«Теперь-то уж тяга должна быть обязательно». Настрогала лучин, сверху положила дрова. Открыла сначала одну задвижку. Огонёк змейкой заскользил через короб в трубу. Она двинула на себя и вторую задвижку, чтобы все проходы освободить для дыма.

«Печь должна хорошо прогреться», — тикали в голове наставления бывалого печника.

Вот неспешно стали потрескивать дрова, но нет-нет, да и пыхнет дымом в щели, от этого дом наполняется смрадом, а из глаз торопятся слёзы. Таисия наковыряла глины, залила тёплой водой и шпателем принялась шпаклевать самые мелкие щёлочки, откуда били въедливые и назойливые фонтанчики. В комнате становилось теплее, но дым теперь разведаль горло.

Через несколько дней неимоверных мучений, когда все домочадцы разошлись по своим делам, развалила всю топку и сложила по-своему. Дым устремился по проложенной колее, но всё так же вываливался из щелей и поднимался к крашеному потолку. Потолок посерел. Таисия иногда брала в руки швабру, смачивала «Белизной» и тёрла потолок. От частого мытья на листах крашеного картона начали проступать серые полосы, похожие на морскую рябь. Таисия уже в который раз перекладывала печь, не обращая ни к кому за помощью.

Когда все методы переделки ею были испробованы, купила мешок цемента и положила кирпичи на крепкий раствор. Кажется, фокус удался, но среди ночи, когда стал раскаляться уголь, послышался треск, будто прямо в окно бросают петарды и бьют стёкла. Цементная кладка не выдержала экзамена, начала трескаться. В образовавшиеся щели опять повалил дым.

«Хватит, — решила Таисия. — Дождусь весны и сложу сама, как думаю».

Своё слово она сдержала. Печь получилась небольшая, с тремя коленами и одной задвижкой. И ещё даже не высохшую, затопила. Загудела печь, дрова готовы были поленьями вылетать в трубу.

«Вот она, тяга!» — снова ёкнулось ей.

Потолок пришлось перекрасить. Теперь в доме чисто, сухо, уютно. И не только себе сложила печь, но и свахе. И пошла молва о ней по округе. Пришлось Таисии менять работу, появилось много заказчиков. Бывшая доярка стала первоклассным печником. Одна на весь район, да что район — бери шире! Только Фёдор почему-то стал обходить её стороной, так ни разу не встретилась с ним глаза в глаза.

Отчаявшаяся

Тося Тихонова — женщина дородная. И всё-то она может, и всё-то она умеет. Но вот к проклятой печке никак не может приноровиться.

Три года назад Фёдор Запечный (постоянно под хмельком), почти четыре дня аккуратно выкладывал в новом доме печь, каждый раз объясняя Таисии, куда дым должен идти и как он будет сверху вниз огибать жестяной короб, чтобы в обоих комнатах зимою можно было ходить без рубашки. Когда печь оказалась готовой к употреблению, он небрежно окунул руку в воду и ещё раз для пущей важности и с достоинством погладил так, будто он не печник, а гончарных дел мастер.

— Вот, Таисия, две задвижки. Одна для того, чтобы пламя шло прямоком в трубу,

ПЕРВЕЙШИЕ СМЫСЛЫ ТВОРЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЙ

Русский космос возник из той неземной тверди, которая все тайны мироздания (об этом неоднократно находим у Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета) укоренила в явлении тишины, молчания, замирания... Тишина вмещает в себя непомерный объем смыслов, которые приходят в мир и заявляют о себе то всполохом грозы, то первым криком новорожденного или хрустальным треском раскрывающейся почки. Именно на майскую пору, когда природа молитвенно умолкает накануне своего нового рождения и вокруг стоит такая благодатная тишина — приходится грозы, чьи мистические раскаты напоминают о том великом, что совершается в миру по воле Божьей, бросая вызов всему живому, побуждая его к рождению, перерождению, возрождению и открывая тем самым просторы судьбе. Русское Слово чутко внимлет всему потаенному. Немая сцена в «Ревизоре» Гоголя, пушкинское «народ безмолвствует», знаменитое тютчевское «Selentium»... Что это? Литературоведы скажут: художественный прием немоты, молчания. С точки зрения телесной оболочки текста — верно. Но если обобщить названные факты в свете сакрального — проблемы спасения души, обретения покоя и душевного равновесия в правде-истине, то нельзя не вспомнить библейское «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдите покой душам вашим» (Мтф. Гл. 11, стих 28-30). И вспомнив, как достичь разумом того, что непостижимо: «Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»? Возможно ли поверить в то, что **иго** может обернуться **благом**, а **бремя** стать **легким**? Возможно, но лишь на гребне преодоления ужасов собственного исторического бытия, которые и понуждают духовную волю к высвобождению — личностному, творческому, духовному и определяют и судьбу человека, и его нрав, и жизненный исход...

Творческая судьба самобытного прозаика России, нашего земляка, Геннадия Григорьевича Пошагаева пошла от биографии, начало которой идет от стылой колыбели сиротства. Голод, нищета, прозябание в холодном нетопленном доме в тщетном ожидании из больницы обреченной на смертные муки мамы... Затем детский дом, ремесленное училище, работа на авиационном заводе, десятки рабочих специальностей... Все это ступени мытарств Геннадия Пошагаева. На одну больше, на одну меньше, но именно этими ступенями вымощена дорога тех, кто родился жарким летом 1941-го, ворвался в огненное пекло самой войны, словно искра тех беспощадных боевых пожаров... Если подходить к судьбе поколения военных лет меркою войны, то Твардовский устами Василия Теркина сказал о том, что умереть в бою — это норма, а вот остаться в живых — чудо! Но чудом стало не только то, что шестилетний Гоша выжил, потеряв близких и родных. Духовным рождением будущего писателя можно считать момент смирения со случившейся бедой: «Устав от бессонницы и бесконечных переживаний, болезненно-нервный, мальчонка словно бы смирился с тем, что она скоро умрет...» — читаем в автобиографической повести «Немая». Именно в момент смирения Гоша Пошагаев — некрасовский мужичок с ноготок — взваливает на себя бремя Господне, наверняка, не ведая того, будет ли оно ему

по силам и обернется ли благом...

Судя по тому, что встречает свой очередной юбилей Геннадий Григорьевич Пошагаев, будучи востребованным читателем, неповторимый ни словом, ни смыслом автор шести книг, счастливый муж, отец, дед — можно сказать: судьба открылась. И в ней состоялось главное, не был утрачен самый бесценный дар: собрание себя, неуемная жажда жизни, сорадования и сопричастности всему тому, что от Добра, Света, Любви. Особенностью авторского мирозерцания Геннадия Пошагаева как мастера глубокой нравственно-психологической прозы является то свойство его творческой натуры, которое позволяет ему все перечисленные блага жизни обозначить одним емким словом РОДНОЕ. «И стала ты мне и вовсе родной, я так привязался к тебе, почувствовал себя впервые беззащитным...» — скажет Тамаре Ильи, главный герой рассказа «Зимой в ожидании писем». Именно это безотчетное и самое разительное чувство руководило главным героем повести «Немая», когда, спасая обезумевшую от безысходного горя и шагнущую навстречу «показавшемуся вдали черному паровозу» мать, он протягивал к ней ручки, «дрожащие и беспомощные, о чем-то умолявшие, отнимавшие оставшуюся волю у матери».

Начиная с 1978 года у Г. Г. Пошагаева одна за другой выходят книги «Светофоры зеленые», «В своем доме», «Житейские истории», «Немая» и др., объединившие не один десяток рассказов, повестей. Но центральное место в ряду произведений о жизни занимает повесть «Немая», посвященная маме. Писатель шел к ней всю свою сознательную творческую жизнь. И хотя «Немая» была написана позже других повестей и рассказов, именно эта повесть являет собой генеалогию сюжетов, характеров, нравственно-психологических мотиваций поступков героев, которые были созданы до и после данного произведения. «Я не желаю одиночества...» — скажет лирический герой рассказа «Мымра», встретивший на отдыхе свою давнюю любовь. Преодоление одиночества и неукротимая энергия прорыва-поиска-ожидания-восторга-высвобождения... — у истоков идейно-эстетических прозрений автора.

Взаимодействие на страницах рассказов и повестей Г. Г. Пошагаева тьмы (потери, расставания, отчуждения) и света (обретения смыслов, любви, взаимопонимания) в конечном счете рождает завидный запас энергии прорыва и убеждает читателя в том, что если жить по совести и открыто, доверившись судьбе, то бремя жизни обязательно станет легким. Смысловые полюса событийной канвы рассказа «Все не так уж и плохо» обозначены двумя ключевыми эпизодами: начальным, когда герой, которого оставила жена, в отчаянии решает покончить жизнь самоубийством, и кульминационным, когда, встретив Дашу, он обретает состояние «сдержанной оживленности» и «так вдруг вышло, что снова полюбил жизнь». Но это «вдруг» теряет смысловую одномерность, означающую мгновенность душевного обновления, если обратить внимание на повествовательный контекст: пребывая в пансионате как в полусне и готовя собственный «уход», герой, с тоской посматривая на небо со свинцовыми тучами, неожиданно для самого себя начинает реагировать на пробуждение природы за окном: «И как порадовало

меня солнышко — будто там кусочек золота засветился, на моих глазах все преобразалось!» Случившееся преображение — от света горного, от красоты не эстетической, не театральной, но спасающей, дающей импульс к духовному обновлению. Начало обновления связано с моментом пережитого героем катарсиса: «Вдруг нервы не выдержали естества увиденного, и слезы покатились по щекам, губы задрожали: так хорошо, а на душе мутно!» При этом естество гармонии, царящей в природе, на путях собственных духовно-творческих обретений возводится автором в ранг устойчивой эстетической нормы.

Герои Геннадия Пошагаева при любом, самом неблагоприятном, жизненном раскладе способны душой и духом реагировать на вызов красоты, добра, искренних чувств. Так, герой рассказа «Все не так уж и плохо» естественным образом откликается на малейшую провокацию — проявление душевного тепла и искреннюю радость со стороны случайно встретившейся на отдыхе Даши («Я ждал... Как я ждал!»). Лирический герой рассказа «Шурочка», переживая восторг первой любви, совершенно интуитивно, слушая свое сердце, безошибочно выстраивает иерархию быта и бытия: «Как мелко! Ну разве не глупо владеть существованием во имя того, чтобы получить зарплату и материально обогатиться... Что же нам мешает помимо всего любить друг друга и прежде всего в этом находить **первейший смысл жизни!**» (выделено — Н. Щ.)

Поиск первейшего смысла жизни объединяет героев художественных повествований Г. Г. Пошагаева разной жанровой палитры: социально-бытовых («Мымра», «Правдоборцы», «Михеич высказался», «Поговорили у калитки»), лирических («Зимой в ожидании писем», «Шурочка», «Мой друг Лёша», «Самородок»). Любовь духовно воссоединяет главных героев названных художественных повествований не только с возлюбленной, но и с родной Кубанью, с другом Алексеем Неберекутиным, с хрупким внутренним миром детей: «Я поглаживаю Игорька, печально со слезами уставившегося на меня... Точно так и я когда-то любил свою мать, плакал, если она куда-то уходила...» («Предновогодние хлопоты»).

Ощущение счастья и образ счастья в прозе Г. Г. Пошагаева безмерны и многолики. Это и материнская нежность природы («как тут не порадоваться этим тихим местам, столько вокруг нежной зелени»), и доброта («Живу по-прежнему на квартире в моем родном Краснодаре у доброй хозяйки»), и неиссякаемая фантазия, взрывающая повествование эпическим простором («откуда ни возьмись рвется тройка — лес расступается, копыта выдергивают фонтанчики чистейшего крахмального снега, и удалые сани летят...»). Иногда ощущение героями счастья обостряется до тех граней душевного напряжения, которые отодвигают пределы дозволенной приличиями нормы и ввергают сознание в смуту: «Я действительно бредил Ярославлем, Тамарой...» — признается Илья, главный герой рассказа «Зимой в ожидании писем». В пылу беглого прочтения текстов данный психологический синдром можно объяснить сиротством, которым, как родовым пятном, наделены многие герои Геннадия Григорьевича Пошагаева. Но с точки зрения первейших смыслов, на поиск которых

упорно нацелено творческое сознание автора, это скорее всего метафизическая потребность обрести родное, что от Бога, от судьбы, как мать, отец, родина, жена... Боязнь пройти мимо родного, не узнать, не окликнуть, не внять... Оттого простое, обыденное слово Геннадия Пошагаева, обозначающее высокие сущности, созидает, объединяет, сопрягает, примиряет казалось бы непримиримое. Так совершенно неожиданным образом сварливая, обозлившаяся на жизнь Люба из рассказа «Хорошая примета» сошлась в душевном разговоре со свекром, которого сживала со свету по поводу и без: «И однажды совсем неожиданно оба разговорились по душам, пили чай, и отношения потеплели, потянулись друг к другу одинокие сердца, уютнее стало в квартире». Безусловно, за неожиданностью примирения скрывается сердечная глубина и открытость чувств свекра, который прощал невестку потому, что понимал причину ее психологических срывов: она была брошенной, его сын не стал для Любы родным. Неприученность, ощущение безысходного внутреннего одиночества, что сродни сиротству, примирило в конечном счете Любу со свекром. Причина же трагического исхода судьбы Андрея Чокина из повести «В своем доме» коренится как раз в тщетной попытке героя «переступить через самого себя, всего себя отдавать семье, делать все для дома, для жены» лишь с одной целью, чтобы «она потеплела к нему душой», то есть стала родной. В тексте повести присутствует удивительная деталь описания природы («**Весенний дух ослаб**, неожиданно холода вернулись со снегопадом...»), которая, будучи знаковой, предвещает гибель Чокина в финале повествования. Отчужденность, неприкаянность, ощущение невозможности обретения родства — ослабляет человеческий дух. Именно во имя этого вывода так подробно и тщательно описывает автор старания Андрея построить дом даже ценой кражи. Можно списать гибель героя на окаянство переживаемого ныне времени, которое не позволяет живущим по законам совести людям выполнить земную программу: посадить дерево, построить дом, вырастить сына. Но время в повести — это сам характер Насти, от которой, как понял огорченный Андрей, он «сердечной привязанности не добьется...»

Многие критики, обозревая современную прозу, делают неутешительный вывод о том, что литература угасает. И это верно, но не совсем. Угасает не литература, если таковой считать весь объем вышедших в свет текстов. Угасают смыслы, которые выше, сильнее, важнее смыслов переживаемой эпохи безвременья. В этом смысле проза Г. Г. Пошагаева — над схваткой. В ней создан устойчивый образ нашего времени, но художественную правду возвышают такие строки, как: «Наплевать нам на перестройку, на реформы. В наше время пение твое, да еще классический репертуар... Одним словом — жить хочется!» Этот народный пригляд на правду напоминает мироощущение Архипа из «Дубровского» с его «как бы не так»... Попасть в струю пушкинской традиции художественной правды — продлить, строить жизнь не благодаря, но вопреки — в этом и дар, и глубина, и чаемое воплощение творческих прозрений Геннадия Пошагаева.

Наталья Щербакова,
член Союза писателей России

Геннадий Пошагаев

Воробьиная ночь

Гроза не унималась. После короткого затишья на Ванновку вновь и вновь стеной обрушивался ливень, полыхали молнии, блистая над мятежно шумевшими тополями, озаряя село. Кюветы по обочинам дороги и вдоль всего шоссе переполнялись журчащей, мутной водой, всюду возникали непроходимые клокочущие лужи. Внезапно дождь стих, и тотчас в разрывах туч зарозовело небо. Лучи утреннего солнца, веселые, в тёплой дымке парившей земли, мягко пронизывая мокрую растрепанную листву, протянулись к рыжим, бурлившим ручьям и лужам. Вприпрыжку, озорно неслись гурьбой детдомовские сорванцы в мешковатых сатиновых трусах, чтобы побултыхаться в воде. Ребята шумели, вскрикивали, плавая рядом с домашними утками, дурашливо дразнясь, и напуганные крикуши торопливо пускались наутек. Для шалунов, кажется, нет прекраснее поры, когда село заливают тёплые, июньские дожди, удовольствие необъяснимое испытывают, им только бы дурачиться, брызгаться! В кювете совсем неглубоко, утонуть невозможно, а главное, нет необходимости топтать на речку, до которой далековато, босиком намучаешься под палящим солнцем добираться туда по бескрайней степи. Тут же — рядом, выскок из ворот, плюх в канаву, наполненную водой — и купайся, сколько душе угодно... Лучше этой забавы дошколятам, пожалуй, не найти, так ведь не заставишь их вылезти из воды, чумазых. Мелко, казалось бы, чего беспокоиться, ан нет, тревожно на душе у Тamarки, старшеклассницы, наблюдавшей за детворой. То и дело вздрагивает, едва кто-нибудь из баловников завершит... Что-то Тamarка в последнее время уж очень беспокойной стала, удивляется, какие всё-таки беспечные малыши, и вроде бы нет никакого повода переживать за них, а все равно боится, не случилось бы какой беды. Не дай Бог, вдруг кто-нибудь захлебнётся в такой канаве, прошлым, летом случилось, чуть было не потеряли мальчугана, но обошлось, откачали...

Тamarка босиком прохаживается под огромным тополем. Трава сырая, ромашки пахнут до одури, с листьев падают прохладные капли на голову, и девчонка, вздрагивая, поёживается, выискивает под ветками в траве птичий гнездо, сброшенные шквалистыми порывами ветра, всю ночь сотрясавшими деревья.

От такой непогоды иные гнезда срывало с веток, из гнезд выпадали птенцы, и Тamarка, чутко вслушиваясь в детские голоса, широко распахнутыми глазами выискивала, подбирала беспомощных птенцов, многие из них едва шевелили разинутыми клюви-

ками. Живых девчонка уносила в спальный корпус, устроив птичий лазарет. Подружки помогали ей прижигать зеленкой сломанные суставчики, некоторым пiskuнам даже пробовала выпрямлять крылышки: уж больно видеть покалеченных воробышков, как они мучаются. Бинтиком Тamarка попробовала перевязать хилую шейку птенчику, но он не выдержал тугой перевязки; увядая, склонил головку, враз обессилев, и Тamarка расстроилась, заметив, как крошечные зрачки покрываются мутной пеленой. Досадовала, злилась, что не вернула к жизни воробышка, мрут бедненькие... Над Тamarкой посмеивались подружки:

— Ну и дурная ж ты, Томка... ты же их душишь! Кто ж так перетягивает бинтом! Тебя бы так...

— Ой... умные нашлись, — сердилась Тamarка, оправдываясь. — Я же должна приостановить кровотечение.

— Ха... какое там кровотечение! Не смеши! Там и крови той капелюшечка!

Но не сдавалась одержимая врачевательница, продолжая возвращать птенцов к жизни, и с какой радостью видела, что воробышки оживают, птенчики будто узнавали её...

Подруги, уходя, позвали Тamarку в столовую обедать, однако она не пошла, не решилась оставить своих подопечных без присмотра. Но от голода под ложечкой ноет, да и пiskuнов пора покормить. И тогда, прежде чем убежать в столовую, чтобы беды не приключилось с её больными, не уползли они далеко, решила Тamarка привязать каждого птенчика нитками к кровати за лапки. Для пущей же надежности позвала из соседней спальни Барсика, пушистого, белого, откормленного кота. Это был удивительно добрый и ленивый кот, вот его и приставила девчонка сторожить подопечных, охранять от крысы. Ведь по коридору вчера пробежала крыса. Поймать ее не смогли, насыпали отравы, да толку никакого. Переполоху надела эта крыса, медсестра в панике...

Ну, а Барсик доверчиво притих под девичьей рукой, зажмурил свои изумрудные, хитрые глаза, ни разу даже и не взглянул в сторону ковыляющих по полу птенцов, точно и дела нет до них...

— Барсик, а что ж ты рыбу не доел, — пожурела Тamarка и потрепала слегка животное. — У-у, зажрался, я смотрю! Во, какую морду отъел... Ладно, я побежала, сейчас вернусь!...

В общем, долго и не задержалась, прибежала с хлебом и молоком в кружке. Глянула — и обомлела, не обнаружив птенчиков. Одни нитки валялись на полу, да кот в сторонке облизывался, прижмуривая бесстыжие свои прозрачные, как виноградины, жёлтые глазки. Тamarка онемела, руки повисли вдоль тела, она медленно опустилась на пол, её будто паралич разбил. И рассвирепев, хватанула кота. Не давая ему улизнуть, ухватила пятерней за жирный загривок, трепанула да давая мордой усатой по полу елозить с пристуком. Не выдержав боли, Барсик заорал, прося пощады.

— Фашист... гад такой! — кричала сквозь слёзы девчонка. — Ах ты ж, гнида! Да как ты посмел?! Сожрал? Говори, скотина! Признавайся как на духу, идиот!

Подхватила кота, хотела вышвырнуть из окна, а он обвис на руках, ткнулся мордой о плечо Тamarки, девчонка, задыхаясь от негодования, продолжала возмущаться:

— Господи, и как я могла довериться, вот тетеря, ну и бестолочь! Поверила — и кому! Я и мысли не допускала, думала, Барсик человечный, а он такой же бандит, как и все остальные коты! — открыв двери, вышвырнула хищника в палисадник, и кот, шлепнувшись в цветы, стремглав унесся.

Было о чем погоревать детдомовке. А за окном снова бушевала гроза. Снова трещали могучие тополя, обламывались ветви, и, наверно, до самого рассвета будут вспыхивать зарницы. Сидя у окна, наконец, она пришла в себя. Настроение испорчено, и занять себя нечем. Подругам легче, конечно,

сейчас в клубе поют, пляшут, репетируют, играют на инструментах в струнном оркестре, готовятся к выступлению, она одна не у дел. Злясь на кота, так и не смогла до конца успокоиться, отвлечься от горестных мыслей. Вспомнила про библиотеку, в самый раз почитать бы интересную книгу, только чтением и можно отстраниться, заглушить боль...

И стало ей жаль всех ребят и девчонок. Выведут их когда-то из детдома в самостоятельную жизнь, и кого куда: одних, кто слабенько учился, в колхоз отправят коровам хвосты крутить, других разошлют по училищам ремесленным, и рассеются бывшие воспитанники по городам и весям. Самим придётся заботиться о себе: что поесть, во что одеться... И снова тоска сдавила сердце девчонки, охваченной обидой, недоумением. Вдруг подумала: а действительно, кому они будут нужны? Им бы вместе поселиться в одном общежитии, чтобы не потеряться и продолжить дружить, быть братьями и сестрами, всем устроиться на одном заводе, фабрике. А это не дело разослать по разным местам, такое и представить просто невозможно, ведь привыкли друг к дружке, выросли все вместе здесь, и вдруг разъединить, бросить на произвол судьбы, вынудить выживать среди чужих людей...

Тревожные мысли вконец одолели Тamarку: ну малышки, ладно, им проще, а каково девчонкам? Наверное, и ей выпадет участь рожать деток... И неприятно перевернуло, как только представила жениха, мужа, который начнёт приставать с ласками, домогаться близости... Фу, какая мерзость! И придумают же такое! Ни за что, ни за какие блага она не позволит, чтобы сплунявил ей губы! Обойдутся ухажёры!

И сделалось ей совсем скучно, тоскливо от таких мыслей, и было непонятно, что ждет её в будущем... Вот так и прошла воробышья ночь...

Зухра и «Чапаев»

В последнее время детдомовцы, отправляясь «проверять» чужие сады и огороды, брали с собой собаку на случай засады, и Зухра сидела на стрёме. Собака тотчас заливалась безудержным лаем, если подкрадывались хозяева, чтобы схватить воришек, да таким яростным, что пугала облаву, отвлекая, сбивая её с толку, не позволяла засасть ребят врасплох, и давала возможность им убежать с места «преступления»...

Ну до чего ж умна была псина Зухра! Она приносовилась к каждому детдомовцу, будь то девчонка или мальчишка, находила свой подход, среди них ведь всякие попадались, нравы разные. Собака с пониманием относилась к причудам одних, к хулиганским привычкам других... В общем, всех она устраивала, и её берегли. Но хотя и ладила со всеми воспитанниками, а всё ж Ваню Сухаренко выделяла особо, не забывала, кто её, бездомную, отошавшую, привел со станции в детдом и возле столовой до отвала накормил кашей.

Ничем не примечательная, непонятной породы, настолько выглядела несчастной блохастая бедолага с выпирающими ребрами, ну как такую не пожалеть! Тamarка, старшеклассница, не выдержала, погладила бродяжку и объявила ребятам, наблюдавшим, как та жадно чавкает, доедая кашу, чтобы звали её Зухрой, в честь тamarкиной подружки, таджички, умершей от голода, когда их семьи жили в эвакуации.

И опять же Тamarка! Никто так, как она, близко к сердцу не воспринимал беды, если с кем-либо случалось горе. Подмечая всё до мелочей, старалась помочь, одобрить, поддержать душевным словом.

Как-то прознали детдомовцы, что в выходной день воспитатели пообещали повести воспитанников в клуб на «Чапаева». Понятно, что обрадовались, и с каким

удовольствием готовы были посмотреть этот фильм хоть сто раз. Но не повезло. Вышло так, что многие из шестиклассников за сочинение получили двойки. И тогда классная руководительница, нервная блондинка, заявила, что сегодня же после занятий пойдёт к директору и пожалуется на отвратительную успеваемость, пусть он принимает меры...

А какие могут быть меры: из-за двоечников пострадают и невинные, так уж повелось, такие установлены порядки... Ребята заволновались. Придя со школы столпились у ворот, поглядывая на улицу, вот-вот покажется жестокосердная учительница, и бесполезно было её отговаривать, просить, чтобы не ходила к директору: принципиальная, поборщи не жди. Тamarка вспомнила о Сухаренке, уж кто-кто, а этот хитрец, ловкий на выдумки, даст верный совет, как быть. К сожалению, разыскать его не смогли, и стали ребята сами думать, как же помешать учительнице увидаться с директором...

К выдумщикам приблизилась Зухра, завилев хвостом, глядела преданно на озабоченных чем-то ребят. И тут Тamarка, присев на корточки, погладила её, прижала к себе, вдохнув запах собачьей шерсти, и пустилась в рассуждения:

— Что делать, а, Зухра... миленькая? Придумай что-нибудь, хоть ты помоги нам. Вдруг спасительная мысль пришла Тamarке в голову, и мгновенно созрел некий план, которым Тamarка поделилась с приунывшими однокашниками. Проценко, дружок Ивана Сухаренка, выслушав её фантазии, скривился, как всегда подвергая сомнению чьи-либо придумки. Но девчонка отвернулась от скептика, уговаривала всех, кто был рядом, расхотиться, чтобы не торчали на виду. Затем она отвела собаку в глубь палисадника, спрятала за кустом шиповника. Поглаживая Зухру, заглядывала в её понятливые, добрые глаза, внушая, как другу:

— Выслушай внимательно, умница... Сейчас подойдет дамочка в очках, волосы белые, худая злючка... Залай громко, попугай её, и она побоится войти во двор...

Тamarка свистнула у забора наблюдатели, давая понять, что по другой стороне улицы к ним на каблучках шествует «классная». Вот уже и видно как она переходит дорогу и направляется во двор детского дома.

Не отпуская Зухру, которая было дёрнулась, Тamarка зашептала, горячо упрашивая её пока не лаять — пусть учительница поближе подойдёт, а уж тогда...

Тamarка осторожно выглянула из-за шиповника и замерла на мгновение, заглядевшись на голубое платье и пушистые светлые волосы: какая же красивая женщина! Но почему злючка, почему непреклонная и холодная?... Побыв с минуту в нерешительности, спохватилась, стала подталкивать Зухру, показывая ей рукой, куда бежать, и говоря в торчащее ухо:

— Пугни! Не пускай её к нам! Она чужая, не кусай только... Вперед, ну!...

Зухра бросилась из-за куста наискосок к незнакомке. Легко перемахнула через штакетничек, которым был огорожен палисадник, и, замедлив ход, рыча, осторожно подступила к нежелательной гостье. Увидев собаку, учительница ахнула, беспомощно остановилась, оторопев! А Зухра, захлебываясь радостным лаем, вдруг обе лапы возложила женщине на плечи, и, словно бы, восхищалась внешним видом интеллигентной гостьи, любясь причёской, и тут же вновь опустилась на четыре лапы, виляя хвостом и выказывая полное радушие.

Строгая учительница не приняла такого странного гостеприимства, была растерянна, и вдруг повернулась и тотчас ушла прочь.

Детдомовцы ликовали! Похвалили Зухру: не укусила, осторожно обошлась с незваной гостьей!

— Да она как человек! — расчувствовалась Тamarка, обнимая собаку. — Если б не ты, Зухра, не видеть бы нам сегодня «Чапаева»!

Владимир Нестеренко живет в станции Брюховецкой, где родился 60 лет назад. Когда он ещё учился в средней школе, как и многие сверстники, писал стихи. Их печатала районная газета «Строитель коммунизма», которую в начале 70-х годов прошлого века редактировал Петр Ефимович Придиус, ставший одним из первых наставников будущего журналиста и литератора. А вот писать стихи для детей выпускнику Адыгейского пединститута Владимиру Нестеренко посоветовал еще один мудрый и добрый человек, московский поэт Георгий Афанасьевич Ладонщиков, проводивший в 1973 году в Майкопе семинар молодых авторов. Этому совету рядовой пехотного полка Нестеренко последовал, когда уже служил срочную в Хабаровске. Владимир печатал первые опыты в краевой газете «Молодой дальневосточник» и окружной военной — «Суворовский нарис». Журналы «Веселые картинки», «Мурзилка», «Колобок» стали печатать произведения молодого поэта для юных читателей после того, как их одобрила на семинаре в Москве классик детской поэзии Агния Львовна Барто. Впоследствии добрые отзывы о своих стихах для малышей и подростков наш земляк слышал от признанных мастеров детской литературы Сергея Владимировича Михалкова, Романа Семеновича Сефа, известных критиков и педагогов.

Книги В. Нестеренко (в основном для детей) стали выходить с начала 80-х годов минувшего века. Их уже свыше пятидесяти. Общий тираж книг — около 3-х миллионов экземпляров. Сегодня разноплановые стихи, загадки, скороговорки поэта, прославившего свою Брюховецкую, выпускают издательства Краснодар, Ростова-на-Дону, Москвы. Произведения Владимира Дмитриевича по-прежнему печатает замечательный журнал «Мурзилка». Они вошли в хрестоматию, антологию и учебники по кубановедению. Нестеренко — один из авторов гимна Брюховецкого района.

Трудовая жизнь литератора из Брюховецкой на протяжении многих лет связана с журналистикой: более 20 лет редактор районного радио, собственный корреспондент газеты «Кубанские новости», главный редактор районной газеты «Брюховецкие новости», а сейчас — корреспондент газеты «Кубань сегодня».

Пишет Нестеренко и литературные пародии. Часть из них вошла в 3-й поэтический том «Кубанской библиотеки». А в 7-м томе этого издания Владимир Дмитриевич выступает составителем произведений прозаиков и поэтов, пишущих для юного поколения. Нестеренко собрал свыше 40 авторов — маститых и малоизвестных, чьи творения достойны внимания малышей и их родителей, педагогов и воспитателей.

Очерки, статьи, публицистические материалы В. Нестеренко печатают «Российская газета», журнал «Дон», еженедельник «Крестьянин», другие периодические издания.

Владимир Дмитриевич награжден медалью «За трудовое отличие», имеет звание «Заслуженный журналист Кубани», лауреат премии администрации Краснодарского края в области культуры за произведения для детей.

В честь 60-летия со дня рождения В. Д. Нестеренко награжден памятным знаком журнала «Мурзилка».

РАЗРИФМОВАННАЯ ТЕТРАДЬ

Нас познакомил Хлебников. Тот самый, который провозгласил себя Председателем Земного Шара. Я сидел на парте в бывшем университете марксизма-ленинизма, что на улице Комсомольской в Краснодаре и на скучной лекции по экономике листал маленький томик Велимира Хлебникова:

«О рассмейтесь, смехачи!..»

И так далее. В некотором роде — зауль.

Худощавый парень с волевым лицом спортсмена косился и на меня и на Хлебникова.

На перемене парень попросил у меня почитать этого редкого поэта. В библиотеках Хлебникова не было. Разве что, в краевой.

Так мы познакомились. Детский поэт Владимир Нестеренко.

Ни больше, ни меньше. Он показал мне свою книжку, на обложке которой был нарисован сочный арбуз. Бегло прочитав эту детскую книжку, я понял, почему Володя Нестеренко заинтересовался Хлебниковым.

И там и здесь игра. Игра в рифмы, слова и образы. В звуки.

В какой-то мере Владимир Нестеренко — это детский Хлебников.

Так я думал тогда. Хотя немного ошибся.

Теперь я понимаю, что все равно я познакомился бы с Владимиром Нестеренко. Ну, может, на месяц, на год позже. Теперь мне кажется, что мы знаем друг друга с детства. Возможно, и в другой жизни мы были близки.

Трудно документально рассказать о человеке. Вот скажешь, что он «порядочен», но ведь надо же доказать. А зачем доказывать?! Эта порядочность видна по лицу, по словам, по тону речи.

Однажды в Москве мы были в гостях у знаменитого детского поэта Романа Сефа. Его стихи украшают учебники начальных классов. Я лично был поражен простором и богатством этой писательской квартиры. И то сказать — на стенах висели работы известных художников. Помню, была там какая-то тихо шелестящая домработница, прикатившая столик с разными иностранными напитками. Слово «виски» я знал, но даже не нюхал его. Но не это важно. Так же незаметно, как

домработница со столиком, появилась и вдруг на нас вдруг пошла громадная собака. Роман Сеф остановил ее щелчком пальцев, как будто выключил дистанционно. И собака умильно поплелась к коленям Владимира Нестеренко и потерлась о них.

— Не бойтесь, не тронет! — успокоил нас Сеф.

Я не помню, о чем мы говорили, все на собаку косился. А пес спокойно кружил вокруг Володи да заглядывал ему в глаза.

— Это он стихи почитать просит, — улыбнулся классик детской литературы.

И Володя стал читать свои стихи. Громадная собака улеглась рядом и стала кивать головой, будто понимала каждую строчку, каждую рифму.

И я уже тогда усек правильность ходовой фразы о порядочном человеке «Ему улыбаются даже собаки».

Намеренно не хочу писать о Владимире Нестеренко, как о поэте. Поэтов много, а Нестеренко один.

Мне кажется, что люди разделяются на две категории — это те, которые любят получать подарки, и те, которые дарят. Так вот, В. Нестеренко из тех, что дарят. Его толстый портфель всегда набит разного рода «штучками-дрычками» (выражение В. Нестеренко). Это книжки, это — газеты, фотографии, фотоаппарат, яблоки, календари. Как говорится, все есть, кроме атомной бомбы.

И все это в любой компании Володя дарит. Детям и взрослым. Порой мне кажется, что и зарабатывает он лишь для того, чтобы кого-то осчастливить подарком.

Честно скажу, когда я еду в Москву, через Брюховецкую (тут сызмальства живет поэт), за две минуты он насует мне черешен, пирожков, бутылок с соком. Все это не уничтожишь на пути в Первопрестольную. Много всего.

Еще одно счастливое свойство. Владимир Нестеренко любит сочинять загадки и шарады. Взрослые, они — дети. Они любят угадывать. Может детство вспоминается. А то и простота этих загадок по душе, их коллективно угадываемый смысл.

Жена его, Света, обладательница романтической внешности, конечно же, и должна

быть его женой. Потому что тоже любит делать подарки, тоже обожает шарады и кроссворды. Но еще и в девичестве носила фамилию Пушкина.

«Скажи, честно признайся, Володя, ты из-за фамилии женился, — подначивал я детского поэта, — хотел быть к Пушкину поближе».

Нестеренко весело улыбался, именно весело, чуял кураж: «Да, она десятилетняя прапраправнучка Александра Сергеевича».

Конечно, дети остро чувствуют фальшь. И владеть детской аудиторией намного труднее, чем взрослой. Взрослые порой слушают принудительно. А дети... Они дети — они — не рабы... Но вот Владимира Нестеренко они слушают в три уха. Бесчисленное количество рифм, несколько чемоданов записных книжек. И острый, наблюдательный ум. Жизненный юмор Нестеренко тонок. И порой незаметен. Вот пример. Идем мы с Володей к одним знакомым. И тут возле двери в квартиру стоит пустая банка из шпрот. Видимо, хозяева здесь водичку для кота поставили. Володя же уверяет, что здесь живут зажиточные хозяева. Почему?

«А, — усмехается поэт, — кошек дорогими шпротами кормят».

И все же скажу об основном стержне всего творчества Владимира Нестеренко. Он — русский, детский поэт. В большинстве своем детские поэты не русские. Они озвучены лишь только игрой, помните, я в начале говорил о Хлебникове, В. Нестеренко же обеспокоен тем, чтобы в мире было больше добра. Его поэзия борется с теми, кто призывает разрушать «Бейте лампочки в подъезде» (Г. Остер).

Сейчас так мало поэтов и писателей, настаивающих свои слова и рифмы на добре. Все о страшном и злом. О волшебстве и дьявольщине, о вампирах, домовых, привидениях строчат. А Владимир Нестеренко выполняет божескую миссию; сеять любовь к земле, к пшеничному колосу, к братской любви, даже к окуню, который выпрыгнул из речки. И поглядел на этот мир. Какой этот мир солнечный и красивый!

Николай ИВЕНШЕВ

«Мама, а я хороший?»

Этот вопрос задал вопрос маме мой пятилетний внук, прочитав книжку для детей Владимира Нестеренко, привезенную мной ему в подарок. Надо ли говорить, как я был рад и за внука, и за автора. Прошло время. Внук что-то увлеченно рисует. За спиной работающий телевизор. Присаживаясь в кресло, спрашиваю:

— Гриша, тебе телевизор не мешает?

Внук возражает:

— Там же идет интересная передача, много информации. Жаль, что у человека два глаза, а не три, я ещё и книжку читал бы. Такая экономия времени на другие дела.

Смеюся:

— Да ты, брат, как Юлий Цезарь: одновременно делаешь три дела.

Внук тут же парирует:

— До Цезаря, дедушка, мне ещё расти и расти, — из этой реплики явствовало — ему знаком этот исторический персонаж.

— Я не на Цезаря, я на дядю Володю хотел бы походить.

— На какого дядю Володю? — не понял я внука.

— На того, что детские книжки пишет, на Нестеренко. Я по его книжкам Васюку учу читать и писать, и загадки разгадывать. (Васька — это его трёхлетняя сестрёнка Василина).

Улыбаясь, спрашиваю:

— И как, получается?

— А куда она денется: захочет погулять или со мной поиграть — будь добра правильно написать букву или рассказать стишок, — продолжая рисовать, поведал мне свой метод обучения не по годам просвещённый внук.

Не желая отвлекать молодое дарование от его занятий, я уже привстал в кресле, чтобы выйти из комнаты, но был остановлен неожиданным вопросом внука:

— Дедушка, а дядя Володя ещё что-нибудь напечатал?

Мой ответ, а скорей вопрос был невразумительно расплывчат:

— А зачем тебе его книжки? Ты уже большой и можешь читать что угодно, пользуясь компьютером.

— Я-то большой, да Васюка маленькая, ей ещё рано к компьютеру подходить, я из-за неё спросил. А читать я люблю книжки, они живые, тёплые, — отодвинув в сторону рисунки, серьёзно возразил Гриша, глядя мне в глаза не по-детски глубоким взглядом. И продолжал мысль. Телевизор с компьютером — простые железяки. У них нет души. Они хороши только для информации. А книга — совсем другое дело, она как хороший друг. С ней трудно расставаться даже на ночь...

«А ведь устами младенца глаголет истина!» — напрашивался вывод после общения с внуком...

С Владимиром Дмитриевичем Нестеренко мы познакомились много лет назад на заброшенной могиле Ф. Д. Крюкова, для которой я привёз пакет земли с его родины. С его знаменитого сада. Они первыми с Николаем Ивеншевым были на месте случайного вскрытия могилы рабочими газопровода. Но не случался был их приезд из соседних районов. Их привело на вскрытие-открытие не журналистское любопытство, а душевный порыв, зов чутких сердец. Именно это — чувство душевной потребности и способность к сопереживанию — сблизило и привело нас пятерых на это святое место захоронения в ст. Новокорсунской для проведения обряда...

...А спросят ли когда свою совесть те чинуши, в чьих руках власть и возможность: «А что я сделал хорошего людям ныне живущим и некогда погибшим, плох я или хорош в своих деловых и душевных качествах?» ...Как спросил мой внук маму: «Мама, а я хороший?», прочитав книги Владимира Нестеренко, несущие людям понятия доброты и справедливости. И дай Бог автору, прожившему шесть десятилетий, ещё многие и многие годы сеять в детские души семена счастья и доброты.

Петр АГАФОНОВ,
г. Крымск

ЧТО НАМ В ЖИЗНИ НАДО?

Что нам в жизни надо?
 Чем довольны будем?
 Чтобы были рядом
 Дорогие люди.
 Жить не унывая,
 Постигать науки,
 Боль преодолевая,
 Тяготы и муки.
 Помогая бедным,
 Кланаясь могилам,
 Только чтоб бесследно
 Жизнь не проходила.
 Людям быть полезным
 И не ждать медалей.
 Чтоб не знать болезней –
 Жить нам без печалей.
 Черное чтоб с белым
 Были различимы.
 Заниматься делом –
 Главным и любимым.
 Быть готовым к бою
 За свои святыни.
 Быть самим собою –
 В будущем и ныне.
 В мирном жить нам мире
 И – со здравым смыслом,
 О былом кумире
 Не лелеять мыслей.
 В жизни нам не надо
 Запредельной славы,
 Дармового клада –
 Честным быть и правым.
 Что нам в жизни надо,
 Путь свой выбирая?
 Помнить, что отрада –
 Сторона родная.
 Покорять нам выси
 И не падать духом.
 Знать, что независим,
 И не верить слухам.
 Что нам в жизни надо?
 Что дает нам силу?
 Чтоб над нашим садом
 Солнышко светило.
 Доброты, участья
 И не злого взгляда,
 И любви, и счастья –
 Вот что в жизни надо!

Фронтвик

Никто утрату не заметит –
 Она, увы, недалека –
 Когда не станет на планете
 Последнего фронтовика.
 И в грустный день шального века –
 Будь осень или же весна...
 Для воина и человека
 Его закончится война.
 А нам, живущим, помнить надо
 И тем, кто будет после нас,
 Что мир он дал нам,
 Как награду,
 Отчизны выполнив приказ.

Барабанщики

По мнению медиков, безразличие к жизни, апатия, равнодушие в нашем обществе в последнее десятилетие увеличились в несколько раз.

Все поклонялись раньше плану.
 Тогда мораль была в цене.
 Теперь всё всем – по барабану.
 Все – равнодушнее вдвойне.
 Не всё народу по карману,
 Не все богаты, как Роман.
 Девиз – «Мне всё по барабану»
 Несёт безверье и обман.
 В стране законы, словно спьяну, –
 Несовершенен ни один.
 Народ «верхам» – по барабану.
 Народ с «верхами» – не един.
 По Иванову и по Гдлянцу
 Тоскуют тихо. Смотрят вдаль.
 «Силовикам» – по барабану
 Беда людская и печаль...
 Когда поможем ветерану,
 Соседу, другу – вновь поймём,
 Что жить нельзя по барабану, –
 Тогда нормально заживём!

Владимир НЕСТЕРЕНКО**Стихи**

Когда начнут горланить петухи
 И первый луч к окошку прикоснётся,
 Меня разбудят ласково стихи –
 И снова сердце трепетно забьётся.
 Потом ещё появятся лучи –
 Светить начнут и ярче, и сильнее...
 Рождались раньше строки лишь в ночи,
 Но предки правы: утро – мудренее.

ПРЕДКИ

Мысли о вас,
 К сожаленью, редки
 И посещают
 Негаданно нас.
 Помним подспудно,
 Далекие предки,
 Кто наши корни
 И что мы без вас.
 Трудно вам было:
 Кровавые войны, впроголодь жизнь
 И мятежность эпох.
 Будем ли мы
 Идеалов достойны,
 Легким ли будет
 Наш путь, словно вдох?...
 Жаль, у могилок
 На тихом погосте
 Редко бываем:
 Дела, да дела...
 Чаше, живые,
 Ходите к Ним в гости,
 Чтоб наша жизнь
 Не пустою была.

ЗДРАСЬТЕ ВАМ!

Не узнаю в селе я папу,
 Когда мы с ним бываем там,
 Снимает перед всеми шляпу
 И говорит он: «Здравствуйте!»
 Потом, волнуясь и краснея,
 – Порядок, – шепчет, – здесь такой.
 Вздыхает: «Не прощу себя я,
 Что в городе он – никакой!»
 Я обещаю: «Как приедем,
 В подъезд наш буду заходить –
 Всем обязательно соседям
 Я буду «Здравствуйте!» говорить.

Лукошко

На звёздное небо
 Смотрю из окошка:
 Сверкающей лодкою
 Месяц плывёт.
 Закончится ночь –
 И в большое лукошко
 Все звёздочки быстро
 Рассвет соберёт.

Мой друг

Лето ходит босиком
 По земле нагретой.
 В жаркий полдень прямиком
 Мчитесь к речке лето.
 Долго плещется в реке,
 В мяч, смеясь, играет.
 И со мною на песке
 Лето загорает.

Находка

Папа мой сегодня сник.
 На лице у папы – тик.
 Что стряслось?
 Нашёл я папин
 Школьный
 Старенький
 Дневник.

После жатвы

Убран хлеб.
 Стоит затишье.
 Но недолгое оно –
 Утром трактор
 Плугом пишет:
 «Бу-дет по-ле
 Вспа-ха-но».

Медвежий угол

Мы приехали в деревню
 С Вовкою – моим дружкой.
 Здесь, в местечке этом древнем,
 Наших предков старый дом.
 В нём нас встретил пол скрипучий
 И паук на потолке.
 Комаров летали тучи.
 Темнота на чердаке.
 ...Мы сменили воду в кадке.
 И соседских коз пасли.
 Посадили лук на грядке.
 В сад заброшенный пошли.
 В поле, в роще были с другом,
 Даже в чашу забрели.
 Все твердят: медвежий угол –
 Мы – медведей – не нашли!
 Нам понравилась природа,
 Родниковая вода.
 И в любое время года
 Будем ездить мы сюда.

ПШЕНИЧНЫЙ СЕКРЕТ

Пшеничного цвета у брата усы.
 Узнал я, что это не ради красоты.
 Пшеничного цвета и брови, ресницы –
 Ну, что с моим братом могло приключиться.
 И волосы тоже пшеничного цвета.
 Наверно, есть тайна какая-то в этом?
 А брат улыбнулся и тихо сказал:
 – Я летом пшеницу в полях убирал.

ГОСТИНЕЦ

Бабушка Ёжка – не баба Яга.
 Если точнее – пожилая ежиха.
 Бабушка эта ни зла, ни строга.
 И проживает в лесу она тихо.
 Сильно печалится бабушка Ёжка:
 – Старая стала. Осталось немножко
 Крепких и острых иголок на мне,
 Но и сегодня несусь на спине.
 Пару грибов для любимых внучат –
 Будет им каждый ежоночек рад.
 ...Внуки навстречу несут по дорожке
 Точно такой же гостинец для Ёжки.

Сороконожка

Не торопи сороконожку,
 Пока она идёт к порожку.
 На ней все сорок босоножек.
 Сороконожка на порожек
 Взошла с большим трудом, бедняжка.
 Но что поделывать, всем нам тяжко.

Мыши

Хочу я, чтобы кот взашей
 Из дома выгнал всех мышей.
 Пусть гонит их. Но, не наглея,
 А потихоньку. И жалея.

Таракан

На таракана не кричи.
 Его привычки изучи.
 Туда усатый прибегает,
 Где постоянно грязь бывает.
 А, если ты чистюлей будешь,
 Про таракана позабудешь.

Паук

Хочу сказать о пауке,
 Что сеть плетёт он в уголке
 И раздражает всех домашних,
 Как будто суп-харчо вчерашний.
 Зато он ловит вредных мух –
 И паука хвалю я вслух.

Клопы

Народ всегда клопам не рад.
 Сегодня мало кто их знает.
 Клоповый запах – виноград
 Да и коньяк напоминает.
 Хотя от клопов всегда бежим
 И тело от укусов прячем, –
 За аромат клопов простим,
 Забудем, что они кусачи.

Оса

Оса – злодейка, спору нет.
 Открою вам её секрет,

Зачем оса кусается?
 Твердит, что защищается.
 Так лучше нам её не злить
 И близко к ней не подходить.

Комар

Летит комар. Не хмурьте брови –
 Он хочет взять анализ крови...
 Жаль, что прихлопнут «лаборант»...
 Цени всегда чужой талант.

Муха

Шумит, гудит над ухом,
 Покоя не даёт.
 А, может, это муха
 Мне песенки поёт.

Блохи

Блох проклинаят не напрасно.
 Укуса след оставив красный,
 Они бесследно исчезают,
 Но о себе напоминают –
 Ведь люди чешут неспроста
 Всегда зудящие места
 Нередко так, что входят в раж –
 И получается массаж.
 А для здоровья он неплох.
 Так, значит, польза есть от блох?

ПУСТЬ БУДИЛЬНИК ОТДОХНЁТ

Пусть замедлят стрелки ход –
 Пусть будильник отдохнёт.
 Я хочу ему помочь –
 Пусть поспит.
 Хотя бы ночь.
 И – его не завожу.
 – Спи, дружок.
 Я разбужу.

ВОРОБЕЙ

Каждый дом в пушистой шапке
 Злой мороз всё злей и злей.
 Мёрзнут крылья,
 Мёрзнут лапки –
 Всё же весел воробей.
 Есть в кормушке зёрна, крошки –
 Воробей обеду рад.
 На него две белых кошки
 С чёрной завистью глядят.
 Я тех кошек понимаю:
 Жизнь зимою нелегка –
 И, голодным, наливаю
 В блюдце
 Вдоволь
 Молока.

ДОЯРОЧКА

Зари весёлой арочка
 Украсила восток.
 Вздохнёт опять доярочка:
 До фермы путь далёк.
 В автобусе минуточку
 Подремлет на руке.
 С подругой прибауточку
 Споёт о мужике.
 Бурёнок взглядом ласковым
 Одарит, даст кормов.
 И станут руки красными,
 Как масть её коров.
 Опять к работе рвение
 Геройским назовут.
 Коровы с нетерпением
 Заботливую ждут.
 И ласку им безмерную
 Она подарит вновь.
 Судьба зовётся фермой,
 Она её любовь.
 Заветных мыслей парочку
 Возьмёт с собою в ночь...
 Я верю, что доярочке
 Страна должна помочь.

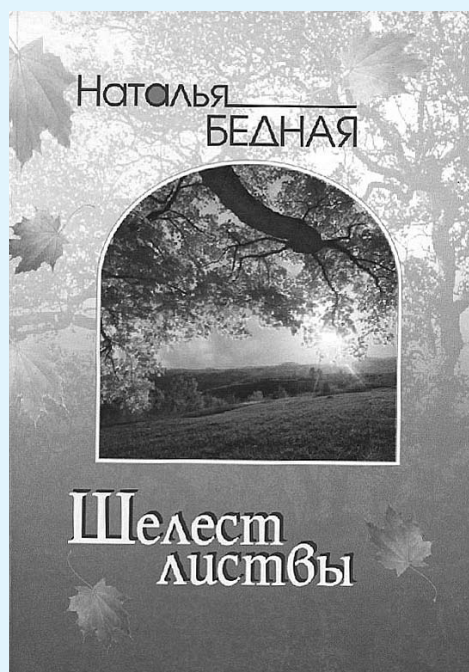
НАЧАЛО

В любом конце
 Земной планеты
 Живут романтики – поэты.
 Хотя по-разному одеты,
 Стихи слагают об одном –
 О радости и о несчастье,
 И о большой душевной страсти,
 Что часто сердце рвет на части,
 Но чаще –
 Про любимый дом.

КНИЖНЫЙ МИР

Наталия БЕДНАЯ

***

Слушаем осень с тобою вдвоём...
Падают жёлуди шумным дождём.
Ветра порыв – и судьбы поворот:
Первый и он же последний полёт.
В миг расставанья доносится стон –
Клонятся ветки.
Прощальный поклон.
Пышные проводы спелых плодов.
Шелест листвы...
Переключка дроздов...
Годы пройдут.
А пока – подождём...
Слушаем осень с тобою вдвоём...

Шелест листвы: статьи, стихи / Н. Бедная – Краснодар: Советская Кубань, 2011 – 176 с.

«Шелест листвы» – новая книга Натальи Бедной. Стихотворения и статьи сборника – это творческий отчёт за прошедшее насыщенное, увлекательное и плодотворное десятилетие в поэзии и журналистике.

Наталия Владимировна стремится поделиться с читателем своим видением окружающего мира, мироощущением и миропониманием. В лирических строчках душевную тишину сменяет незатихающий «шелест листвы» – одухотворённое движение жизни.

В книгу вошли статьи о культурной жизни Кубани и короткие эссе о поэтических сборниках кубанских авторов, в основном собратьев по перу – членов литературного объединения «Верность» Краснодарского отделения Союза писателей России. Умение подметить характерные отличия, особенности почерка и стиля каждого автора придаёт статьям Натальи Бедной неповторимость, вызывает неподдельный интерес.

Книга «Шелест листвы» вышла при поддержке главы администрации г. Краснодара В. Л. Евланова, обратившего внимание на творчество Н. Бедной после выхода её первой книги – «Сирень в снегу».

***

Счастье – снег. Быстро тает оно.
Возвратить я тебя не пытаюсь.
Рой снежинок влетает в окно...
Без тебя в этой жизни теряюсь.

Одинокой снежинкой лететь
Над безмолвной пустыней ночами.
Сердце будет иллюзия греть –
Дверь откроешь своими ключами.

***

Одуванчики вдоль тротуара –
Россыпь медных монет.
От весеннего щедрого дара
Всё дороже рассвет.

И, под солнцем
окрепнув, «богатство»
Вновь от нас улетит
Убелённой пушилкой
в пространство –
Жизнь земную продлит.

***

Предчувствие грозы знакомо.
Мы отдаляемся устало,
И слышатся раскаты грома,
И небо к деревьям припало.

Зачем растеряны мгновенья?
Зачем переживаю снова?
И в облаках плывёт виденье...
Моё к тебе всё рвётся слово.

***

Тополиный пух ложится на ладонь,
И печаль мою улыбка прячет.
Я прошу тебя:

души моей не тронь,
По ночам она неслышно плачет.
Что мне скажешь:
правду или ложь?
Тополя застыли в ожиданье.
Ветер тёплый. А по листьям дрожь.
И твоё мне слышится признание.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО

Кубарем с пригорка и в кувшинки –
Дружно в речку падали гурьбой.
В небо одуванчиков пушинки
Отпускали за своей судьбой.

К спелой необорванной черешне
Трепетная тянется рука...
Как расслышать

в круговерти спешной
Звук полёта майского жука?..

***

Барахтаются воробьи в пыли –
К дождю. И я боюсь – промокну.
Раскаты грома дразнятся вдали...
Внезапно потемнеет. Воздрогну.

Грозу переживу в который раз.
Домой вернусь я в мокром платье.
Порою жизнь испытывает нас,
Чтоб мысли остудить в ненастье.

***

Волновало нас ирисов море,
И манил фиолетово-синий закат.
И струился в небесном просторе
Лунный свет во сто крат...
Ах, вернуться б назад!

Возвышаюсь наивною мыслью.
И минуты текут,
как сквозь пальцы вода.
И душа очарована высью.
Тонут в радуге ирисы, тонут года...

Дмитрий Клебанов

(Из книги «Лишь бы ангел
с неба прилетал»)

***

Ты не хотела слышать
Звона пустых разговоров –
Твои закрывали руки
Этот безумный шар.

Но шифер сползает с крыши,
Распарывая коридоры,
Гвоздями вонзая звуки
В распятый ночной кошмар!

Гром разрубает закаты.
Солнца летят ошметки.
Чёрным задрнуты лица.
Белым замазана тень.

В небе трещат канаты,
Выдёргивая решётки –
И, распахнув глазницы,
Мы жадно глотаем день...

И там, где тельцы и рыбы
Привыкли к ночным беседам,
На самом краю обрыва
Ты спросишь: «А как же я?»

Тебе удивится глыба
Бездонно-глухого неба,

И с чёрной волной прилива
Исчезнет навек земля.

***

Такое лето. Что ж... Переживём!
Мороз по коже... Это с непривычки.
Придём домой, нафарим в кухне спички
И розу синюю под чайником зажжём.

Растает лёд узоров на душе,
Дрожа от счастья на твоих ресницах –
И тонкие непойманные спицы
Совьют гнездо в уютном шалаше...

***

Где ты, безмятежность первоклашки?
Глобус, мел, звонок, скелет в углу...
И портфель, в котором – промокашка,
Мятая записочка: «люблю!»?

Улететь бы снова в это чудо:
Школьный двор и тополиный пух,
И опята... И моя простуда,
И седой зелёный военрук.

Знания... «Покой нам только снится!»
Как с годами «закалилась сталь»!
И ровесницам на влажные ресницы
Села чёрной бабочкой вуаль...

Пусть весна любовь не всем откроет,
Но звонка никто не отменял!
Не беда, что молодость уходит –
Лишь бы ангел с неба прилетал...

Виктор Малахов

Кореновск

Помни

Хутор смыло суровое время,
В нём когда-то давно мы росли.
Задумало тяжёлое бремя –
Даже место его не нашли.

Ничего за бурьяном не видно,
По станицам давно казаки.
Стало горько до слёз и обидно –
В ряд стаканы, в развалку кульки.

Кто на корточки, кто на колени
Сели, выпили, встали опять.
Помянули молитвенным пенем
Хутор, бабушку, Родину-мать.

«Каприоле»

Отслужил свой срок аккордеон,
Старенький, трофейный «Каприоле».
Много лет звучал на танцах он,
На концертах, на уроках в школе.

С ним мы были верные друзья,
Неразлучны в радости и горе.

Мне забыть его никак нельзя,
Старенький, трофейный «Каприоле».

Он меня учил девочек любить,
Жизнь любить, и дом, и сад, и поле.
Без него такой любви уже не быть,
Старенький, трофейный «Каприоле».

Заря

Разгорелась в прохладе заря,
Алой негой покрыла полнеба,
Озаряя леса, и поля
Золотистого спелого хлеба.

Отразилась на крышах домов,
Обагрила стога на покосах.
Заискрилась в тумане лугов,
Рассыпаясь в холодные росы.

И в игривых зелёных лучах
Растворились тревоги былого.
И земля на покатых плечах
Понесла тяжесть дня трудового.

Вдовья память

Протрёт вдова медали, ордена.
Их яркость не состарится годами.
Горят в войне погибших имена,
Омытые горячими слезами.